

УДК 070

**К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ «СОВЕТСКАЯ
ЖУРНАЛИСТИКА 1930 – нач. 1950-х гг.» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЖУРНАЛИСТСКОЙ НАУКЕ****USING THE TERM "SOVIET JOURNALISM IN THE 30S - BEGINNING 50S" IN
THE RUSSIAN JOURNALISTIC SCIENCE****В.Ю. Меринов
V.Y. Merinov***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: merinov@bsu.edu.ru*

Аннотация. В статье анализируется обоснованность использования термина «советская журналистика 1930-нач.1950-х гг.» в отечественной журналистской науке.

Abstract. The article analyzes the validity of the use of the term "Soviet journalism in the 1930s – beginning 1950s" in the Russian journalistic science.

Ключевые слова: журналистика, советский, тоталитаризм, антисистема.
Keywords: journalism, soviet, totalitarianism, antisystem.

Определение «советская журналистика 1930-нач.1950-х гг.» давно стало общепринятым в отечественной журналистской науке. Видные историки и теоретики журналистики (Я.Н. Засурский, Р.П. Овсепян и др.) использовали и не могли не использовать его в советское время. И ныне ученые повсеместно употребляют это понятие, наряду с другими: журналистика, журналист, зарубежная журналистика, российская журналистика и т. д.

Сейчас мы переживаем виток интереса к советскому строю, советскому стилю жизни и мышления. После довольно непродолжительного периода отторжения, все советское стало обладать известной долей притягательности. Привлекает внимание и журналистика этого времени. Так, в журналистской работе современных российских СМИ становятся востребованными лексика, риторические приемы и идеологические стандарты советской эпохи. Актуальным, на наш взгляд, становится и само понятие «советская журналистика», пережившее все исторические, идеологические ревизии эпохи Перестройки и постперестроечных времен.

На первый взгляд, в употреблении понятия «советская журналистика 1930-нач.1950-х гг.», нет ничего необычного. Кажется вполне оправданным считать, что, если в эти годы существовал Советский Союз, то, очевидно, существовала и советская журналистика 1930-нач.1950-х гг., со своей спецификой: стилем, приемами, пафосом и т. п. Однако, на наш взгляд, очевидность названия данного явления может быть подвергнута сомнению.

Общеизвестно то, что существует прямая зависимость журналистики или то, что мы называем «журналистикой», ее качества, возможностей, набора функций от общества, типа государства и культуры. «Журналистика как социальный институт» эта фраза-формула входит практически во все работы по теории журналистики. Действительно, журналистику нельзя рассматривать в отрыве от социума. Поэтому полная и адекватная характеристика этого социума является важнейшим фактором для оценки уместности той или иной терминологии в самой журналистике и оценок самой журналистики.

Советский период нашей истории - сложный и противоречивый. Тем не менее, в последнее время у отечественных историков (у зарубежных историков это произошло значительно ранее) сложился некий консенсус, общее видение 1930-нач.1950-х гг. XX века. Пришло понимание, того что о советской эпохе необходимо говорить как об уникальном периоде не только в истории нашей страны, но и в истории мировой цивилизации.

Говоря о переходе от исторической России к СССР, нужно иметь ввиду, что мы сталкиваемся не просто со стандартной процедурой смены власти, к примеру, приходом новой партии к власти, в условиях сохранения демократических институтов. И даже не с эпохой смены формаций, к

примеру, с феодальной на буржуазную. В последнем случае, как правило, происходило законодательное закрепление норм и порядков уже существующих в обществе. Так это случилось, к примеру, во Франции конца XIX столетия, или в самой России после февральской революции 1917 года. Мы имеем дело с абсолютно новым типом культуры, получившим в политической и исторической и других смежных с ними науках (культурологии, философии культуры, социологии и др.) точное определение «тоталитарный».

Тоталитарное государство радикально отличается не только от демократических государств. Оно также отличается и от других видов деспотических государств: и от древних восточных деспотий, и от средневековых теократий (Флоренция времен Савонаролы, Ирана и др.), хотя имеет многие общие с ними черты [6], и от тиранических монархий и т. д. Тоталитарная культура изменяет (переворачивает) всю экономическую, политическую, общественно-ментальную, духовную ситуацию в стране. Даже бытовые взаимоотношения подвергаются коренной ломке.

К. Фридрих и З. Бжезинский в книге «Тоталитарная диктатура и автократия» (1956), сохраняющей свою актуальность по сей день, перечислили то, что они назвали «синдромами тоталитаризма»:

1/ массовая партия, как источник власти;
2/ власть организована недемократическим способом, она выстраивается в жесткую вертикаль и замыкается на харизматическом лидере ("фюрер - принцип" в Германии и «демократический централизм» в СССР);

3/ Тоталитарное государство это всеобъемлющее (тотальное) государство. Оно исходит из того, что самостоятельность граждан вредна, а свобода опасна. Отсюда беспрецедентное вмешательство власти в общественную и личную жизнь граждан;

4/ Повсеместный террористический полицейский контроль над обществом, призванный пресекать любые проявления даже потенциального инакомыслия и инакодействия;

5/ Тоталитарный режим - идеократия. Доминирующую роль в политической мобилизации масс играет официальная идеология, являющаяся инструментом навязывания единственного видения мира и приобретающая, в связи с этим, сакральные черты. Роль главного идеолога играет сам лидер режима, только ему принадлежит право менять положения "священной идеологии". Весь огромный идеологический и пропагандистский аппарат лишь комментирует, разъясняет и "несет в массы" идеологические постулаты.

От населения при этом требуется активное проявление поддержки официальной идеологии и режима, контролируемое властью. Прежнего человека, человека скептического, доставшегося им от либеральной эпохи, они (тоталитарные режимы – прим авт.) постарались уничтожить и создать вместо него нового человека послушного и верящего в непогрешимость вождя и партии. Во исполнение этой задачи тоталитарные режимы применяют всю мощь современных коммуникационных технологий;

6/ Государственный монопольный контроль за СМИ. В обществе устанавливается полное отсутствие критики, свободы слова и мнений. Политическая пропаганда служит целям прославления режима, сакрализации верховной власти [8].

Тоталитарное государство - это государство, формирующееся и существующее по принципам антисистемы. «Антисистема – предельно закрытая структура, исповедующая гностико-манихейский взгляд на мир, всячески ограничивающая свои связи с окружающим пространством» [3, 71], это жестко управляемая из единого центра структура. Большевицкая партийная организация имела все черты антисистемы (тоталитарного кружка, секты). В момент ее прихода к власти она и явилась той тоталитарной «парадигмой и матрицей» [6, 118] по модели которой стала формироваться вся страна. Тогда, как пишет В.П. Римский, оказался «...возможен тоталитарный вариант исторического развития общественных организмов, путь упрощения и унификации, как всей общественной целостности, так и отдельных жизнеобеспечивающих систем» [6, 113].

Антисистема творит псевдо (ненастоящее, лживое, декоративное) «разнообразие», «создание новых органов» по матрицам все той же антисистемы» [6, 87]. Все, что она создает, повторяет материнскую структуру - закрытую, направленную вверх. «Тоталитарный центр – единственная легитимная точка развертывания тоталитарной культуры. ... Трансляция идет целенаправленно, сверху вниз, признаются только субъект-объектные отношения. Точка зрения центра не обсуждается, а воспринимается безоговорочно. Задача нижних уровней – трансляция (сохранение) информации (готовых смыслов) в наиболее точном виде вниз» [3, 71].

Герметичность, отсутствие коммуникации, как формы диалога, двунаправленного коммуникационного процесса, свойственно не только собственно тоталитарным партийным организациям-клонам внутри государства. Пересозданию (перерождению) подвергается вся гуманитарная сфера, отвечающая за коммуникацию в обществе: литературные, журналистские организации, другие творческие союзы.

Делать вид, что в 1917 году в России ничего существенного не произошло, значит не понимать сущности тоталитарного режима и происходивших тогда процессов, фундаментальных сдвигов во всей культурной толще. В первой половине XX столетия в России не просто поменялся соб-

ственник СМИ. Собственник стал один (единственный, тотальный) - власть. Отношения власть – общество, власть – СМИ, претерпели качественные изменения. Изменилось все: задачи, функции, нормы морали, все.

Трансформировалось представление о тексте. Понятие тоталитарного текста носит всеобъемлющий, всеохватный и монологический характер. Монологическая модель культуры не настроена на поиск альтернативных ценностных ретрансляторов. Если мы возьмем официальные тексты тоталитарного периода (от постановлений ЦК до соцреалистических романов и архитектурно-скульптурных сооружений), то без труда увидим черты единого текста – Великого послания власти *Urbi et orbi* – «к городу (Риму) и к миру», строящегося на жестком мифо-идеологическом фундаменте, единых целях и задачах. В текстах разных авторов и видов искусства, выстраивается единый ценностно-смысловой ряд понятий, представлений, героев, ситуаций. Разбивка на виды искусства и художественные типы, и т. п. имеет внешний, отвлекающий характер.

Конечно, к примеру, автор литературных произведений может, условно говоря, уйти в прошлое, будущее, писать жанровые произведения (приключения, фантастику). Он может затрагивать далекие от социума экзистенциальные темы. Писатель может использовать «эзопов язык». В крайнем случае, художественное произведение может быть написано в стол. То есть, возможность отклонения от единых всепроникающих стандартов, возможность сопротивления, сохранения правды, своего я, своего взгляда на мир у отдельных представителей литературы, существующих в мире тоталитаризма, все же сохраняется.

Ситуация с журналистикой заметно отличается от других видов творческой деятельности. СМИ 1930-нач.1950-х гг. оказались полностью встроены в тоталитарную общественную систему. Конечно, отдельные сочинения и даже авторы, могли сохранить лицо (особенно на ранних стадиях становления тоталитарной системы). К примеру, некоторые ранние фельетоны М.А. Булгакова («Бенефис лорда Керзона», «Неделя просвещения») имеют скрытые антибольшевистские смыслы [4; 5]. Не исключены локальные журналистские проявления (честно выполненный репортаж, очерк), проявления гуманизма (правда, как правило, обращенного только к «своим», «нашим»), идей социальной справедливости, реальной помощи отдельным нуждающимся людям. Мы можем говорить об отдельных журналистских приемах, чертах, авторах, пытающихся оставаться журналистами в нежурналистском или псевдо-, антижурналистском деле.

Однако рассматривать феномен «советской журналистики» нужно не на основании отдельных произведений (к примеру, трогательных материалов о «земляках» в районной прессе), а исходя из общей идеологической задачи, поставленной властью для всех без исключения советских СМИ, для всей гуманитарно-политической сферы. Теоретические обобщения можно делать, только с учетом этой сверхзадачи, для решения которой тоталитарные СМИ, собственно, и созданы, во имя которой они и существуют.

То, что мы по привычке называем «журналистикой», обретает невиданные для этого феномена функции. Поиск истины, объективность, защита демократических институтов, порождение индивидуальных смыслов, защита граждан (гражданский контроль), критика власти, выстраивание коммуникации с обществом, открытость остаются в прошлом. Ведущей и, в общем-то, единственной функцией становится пропагандистско-охранительная, функция сохранения власти единственной правящей партии (КПСС) и ее вождя через инструменты легитимизации и сакрализации. Так называемая, «советская журналистика 1930-нач.1950-х гг.» оказалась частью репрессивно-контролирующего комплекса, учреждением, фактически слившимся с властью (с партаппаратом – репрессивным аппаратом). Сфера деятельности, по старинке именуемая «журналистикой», стала имманентна власти, и представляла собой репрессивно-идеологический фронт, направленный против собственного народа.

Она выполняла особое спецзадание, своего рода «операцию прикрытия» для действий власти. Ее суть состоит в вытеснении реальности, создании цельного (тотального) информационно-мифологического пространства, своего рода, информационного кокона для советского человека, и, в конечном счете, «формовке» [1] нового человека – инфантильного энтузиаста-исполнителя воли партии. Отсюда особая дидактическо-назидательная линия, легитимно-мифологический дискурс, «дицея» (Римский В.П.) – оправдание-восхваление власти (мудрости вождя, советского образа жизни, колхозного строя и т. п.) как определяющая в произведениях тоталитаризма. Справедливости ради, отметим, что подобные же спецзадания (сохранение статус-кво власти) выполняют и другие «спецподразделения» тоталитарной антисистемы, маскирующиеся под государственные и общественные институты: так называемый, советский парламент – Верховный Совет, т.н. органы самоуправления – советы, т.н. органы правопорядка – милиция и т. д. Псевдожурналисты, псевдо-литераторы, псевдодепуты и др., все это почти анонимные и легкозаменяемые камешки, кладущие свой кирпич в здание Большого Советского мифа. В этом своем действе они очень напоминают средневековых мастеров слова [2].

Одной из отличительных особенностей тоталитарной культуры левого толка (сталинизма в СССР) явилось использование демократической терминологии, даже паразитирование на этой терминологии. Анализируя советскую эпоху, мы погружаемся в мир обманчивых представлений и лжи-

вых самоназваний. Увы, современная журналистская наука и по сей день широко использует эти определения. Это, на наш взгляд, не совсем правильно. К примеру, уточняющее определение «советский» только затемняет сущность этого феномена. Ведь отечественная журналистика, собственно, «советской» никогда не была. Как и Советский Союз не был «советским». Вся полнота власти принадлежала верхушке правящей партии - КПСС (ВКПб), а советы играли подчинительную роль. Если продолжать эту логику, то и само название государства - СССР, имело демонстративный характер, и было призвано скрыть настоящую реальность. Советский Союз никогда не был ни «союзом» (союз предполагает добровольное согласие народов на вступление в организацию, ныне хорошо известны обстоятельства «вхождения» будущих «республик»), ни «социалистическим» (социализм предполагает субъектность социума, в нашем случае общество играло минимальную роль, от его имени говорила Партия), ни «республиканским» (республиканский строй предполагает честные и справедливые выборы власти, наличие демократических республиканских институтов (парламента). По этому же принципу именовались и другие тоталитарные «страны народной демократии», включавшие в название государства термины «демократическая», «народная», «республика». Ныне, из всех этих стран осталась только КНДР, во главе с якобы «Президентом».

Поведем краткий итог. Мы полагаем, что определение «советская журналистика 1930-нач.1950-х гг.» не вполне корректно в отношении описываемого нами явления, или, во всяком случае, требующее своего уточнения. В отечественной журналистской науке произошел механический перенос терминологии из совершенно другой эпохи, из досоветской в советскую, на основе исключительно внешнего сходства. Образно говоря, «советская журналистика 1930-нач.1950-х гг.» напоминает рестлинг, в котором, с первого взгляда есть все от настоящего спортивного состязания: подлинный ринг, огромные бицепсы, устрашающий взгляд соперников, сокрушающие удары и великолепные броски, бескомпромиссная борьба, ссадины и травмы.

Отличие «советской журналистики 1930-нач.1950-х гг.» от рестлинга состоит в том, что посетителю шоу честно заявляют, что они увидят имитацию настоящей борьбы, искусно разыгранный спектакль, с предсказуемым финалом. Советский же читатель, не видевший другой журналистики, вряд ли догадывался, что с прошлой досоветской журналистикой, или, с собственно журналистикой, у «советской журналистики 1930 - нач. 1950-х гг.» осталось только техническое сходство: люди, гордо именующиеся журналистами, с ручками, письменными машинками системы «Ундервуд», «лейками и блокнотами», микрофонами. Это внешнее подобие, возможно, сбивает с толку и исследователей. Хотя необходимо отметить тот факт, что имитационный характер тоталитарной культуры прекрасно распознали отечественные и зарубежные мыслители, писатели XX века (А.И. Замятин «Мы», В.В. Набоков «Приглашение на казнь», М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита», Д. Оруэлл «1984» и др.).

Таким образом, по нашему мнению, более адекватно описывающее представленный феномен являются определения: «квазижурналистика 1930 - нач. 1950-х гг.» или «псевдожурналистика 1930 - нач. 1950-х гг.». То есть, определения, подчеркивающие (выявляющие) ее имитирующий (самозванческий) характер. «Советская журналистика 1930-нач.1950-х гг.» как раковая клетка, маскирующаяся под здоровую, крайне опасное явление. По сути, она противостоит настоящей журналистике, в основе которой лежит «объективное и полное» [7] освещение действительности. Автор исходит из убеждения, что объективная реальность, как и объективное ее освещение (или, во всяком случае, желание, самостоятельная попытка разобраться в проблеме), все-таки существуют.

Список литературы

1. Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. – СПб, 1997.
2. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. Избр. работы: В 3 т. – Т. 1. – Л., 1987.
3. Меринов В.Ю. Культурологическая реконструкция тоталитарного хронотопа в русской литературной традиции // Диссертация на соискание звания кандидата философских наук. Белгород, 2004.
4. Меринов В.Ю. Подтекст фельетона М.А. Булгакова «Неделя просвещения» // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: в 2 т.: сб. научн. тр. IV Междунар. научн. конф. / отв. Ред. И.Т. Шагохин. Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. Т.1. с. 335-338.
5. Меринов В.Ю. Христианский мифопоэтический подтекст в фельетоне М.А. Булгакова «Бенефис лорда Керзона» // Журналистика и Медиаобразование в XXI веке: сб. научных трудов Междунар. науч.-практ. конф. Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. с. 173-179.
6. Римский В.П. Тоталитарный космос и человек. – Белгород, 1998.
7. Система средств массовой информации России // Учебное пособие для вузов Под ред. Я.Н. Засурского М.: Аспект Пресс, 2001 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.textfighter.org/text/62_obschestva_informatsii_massovoy_2.php
8. Фридрих К., Бжезинский З. Тоталитарная диктатура и автократия [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20071010203916/http://auditorium.ru/books/1224/ch2r2.pdf>. – Загл. с экрана. – Яз. рус.